А. АДАЛИС

КИРОВУ

ГОСЛИТИЗДАТ

ГОСЛИТ
ИЗДАТ
МОСКВА
1 9 3 5

А. АДАЛИС

КИРОВУ

ЛИРИЧЕСКАЯ
ПОЭМА

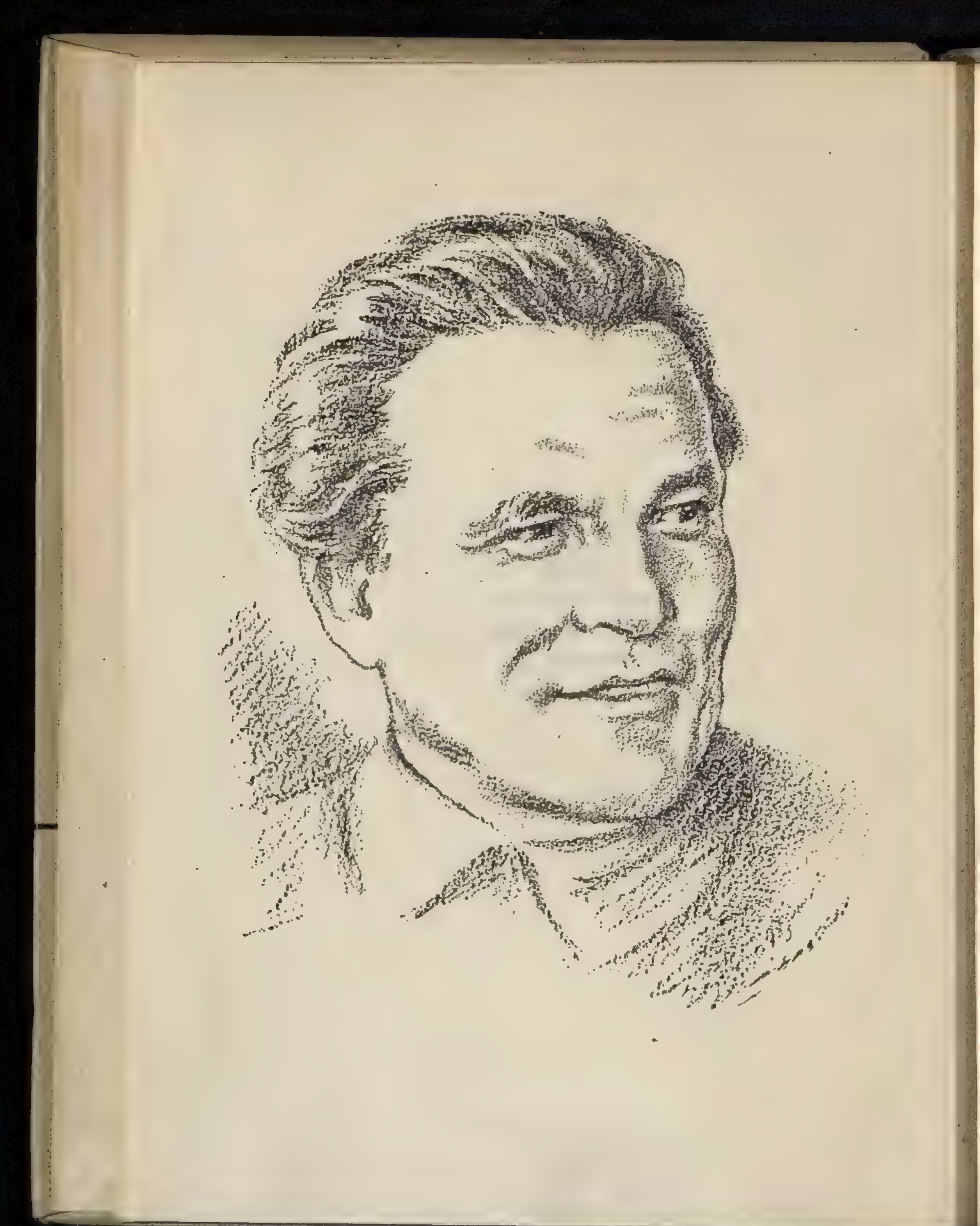
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА"
МОСКВА 1935

А. АДАЛИС

КИРОВУ

Портрет
товарища Кирова
работы художника
Д. Аксельрод

Откуда начало берет
И где он до времени рос,
Наш гордый, владетельный род?

Домишко стоял за плетнем.
Серебряный в лунную ночь,
Он был отвратителен днем.

Он в памяти много бледней...
И вот миллионы таких
Домишек и луж и плетней.

У всех нас одно бытие.
Но в тонких различиях лиц
У всякого было свое.

Свидетельствую о том,
Что лавочник тоже стегал
Чужих ребятишек кнутом.

И вся эта серая грязь,
И вся эта бездна тоски
Солдатской слободкой звалась.

(Там не было, впрочем, солдат,—
Кожевенники и ткачи
Обжили наш маленький ад.)

Наш город был грязен и нищ.

Порой пропадали отцы
Из проклятых наших жилищ.

Мой собственный не был герой,
Но припоминаю других,
И мне это снится порой.

Два стражника — Гроб и Юла —
Кормильца вели со двора,
Зима была.
Полночь была.

И мать на пороге легла.
Столпилась в углу детвора,
Но видела все из угла:

Снежок, занесенный с крыльца,
Родимый собачий треух
И милый загорбок отца...

Домишко торчал за плетнем,
И тысячи были таких
Домов, отвратительных днем,
А в лунную ночь голубых!

Плетней этих дикий развал
И эти жилища народ
Собачьей слободкой прозвал,

А позже —
слободкой Сирот.

Толпа, как весенний поток,
Толклась у фабричных ворот.

Мать много ночей не спала, —
Накинув бумажный платок,
Ходила по краю села.

(То странное было село —
Одно в миллионах имен.)
Вернулась, когда рассвело...

Пришла с бокового крыльца
И стала в дверях без платка.
Сказала:
— убили отца.

Ты, если поблизости рос,
Гром этого слова «убит»
В бессонные ночи пронес.

Весной прилетали скворцы,
Мальчишки ловили скворцов
И строили птицам дворцы
Из мелких дощечек и щеп,

А сторож орал: — Огольцы,
Пора зарабатывать хлеб!

(И вот почему-то нельзя
Забыть об одном огольце!
Как шарики, были глаза
На маленьком круглом лице.

Он в драку с собаками лез
И в речке играл под мостом,
Он в школу ходил через лес
Версты за четыре с хвостом.

Он был сотоварищам люб,
Он был капитан корабля,
И нанял его лесоруб
Помесячно за три рубля.

Родные однажды зимой
Садятся за стол и встают, —
Малыш не вернулся домой!
Отец усмехается — «плут!»

Но жгли мы большие костры
На обледенелом лугу,

А три его старших сестры
Аукали в темном логу.

И медленно, будто на суд,
Является сторож лесной:
— Хозяин, сыночка несут, —
Его придавило сосной.

Его хоронили в мороз.
Я гулкое слово «убит»
В далекие ночи унес...)

Прославим и ветер, и гром,
И землю счастливой страны,
В которой мы ныне живем!

Что было, того уже нет.
Как светятся наши дворцы!
И нам по семнадцати лет!

Вот лыжники вышли в поход;
Как море, шумит Метрострой,
И дальняя скрипка поет...

А вечером в доме твоем
Спокойно, тепло и легко,
И мы остаемся вдвоем.

За окнами ночь и пурга...
Как ромовый пунш, в темноте
Горят голубые снега!..

Какие пошли времена!
Какая счастливая ночь!
Звонит телефон. Тишина.

Звонки высоки и тонки.
И ты еще мне говоришь:
«Кой чорт беспокоят звонки?..»

От дел, мол, не стало житья,
Дела, мол, забыть не беда...
«Ты слушаешь?» —
«Да, это я».

В глазах почему-то рябит...
«Ты слушаешь?» —
«Слушаю, да». —
«Ты слушаешь? Киров убит».

Не спи до последней расплаты,
Старинная память, не спи!..
Шли пыльной походкой солдаты,
Телеги скрипели в степи,
Суденышки плыли по рекам...

И брат, покачав головой,
Из дому ушел человеком, —
Вернулся весенней травой,
И, плача, запели молодки
В туманных и синих полях:
«Узнала тебя по походке...»
И зря выбегали на шлях.
Мы путали сказки и были,
И слух на поселке возник: —
Другого парнишку убили,
И будто бы вырос тростник.
Весной позабыли Васютку,
За рощей блестела река,
И друг его вырезал дудку
Из тонкого тростника...
Идет себе мальчик до дому,
А дудочка стонет у губ:
«Отмсти за меня становому,

Прикончил меня душегуб!»
И, плача, запели солдатки
В широкой и свежей степи:
«Узнала тебя по повадке»...
Бессмертная память, терпи!
Мы в мерзлых болотах кончались
И вновь отличались в боях...
Мы в снежных пустынях качались
На низких, косматых конях!..

Осень ветреная воет,
Мокнут старые леса,
Запевают за рекою
Молодые голоса:

«Лучше стала б я сосною:
Не скучала б никогда —

Из меня бы напилили
Мореходные суда...» —
«Лучше б стал я океаном;
От земли бы до земли
Разносил я на ладони
Эти самы корабли!» —
«Лучше стала б я землею;
Не засохла бы с тоски:
Без конца бы я растила
Лазоревы цветки!» —
«Лучше б сделался я
солнцем, —
Не бродил бы, как луна, —
Рассыпал бы я на землю
Пошеничны семена!..»

Мимолетно прозвучала
И затихла вдалеке
Эта песня-северянка
На вотяцком языке...

Что за думка невесёла —
Высока и далека?
Это — песня новосела,

Молодого бедняка!
Эта песня — про калеку,
Эта песня — старина:
Тошно было человеку
В те глухие времена!
В этой песне мало смысла, —
Будто слышится во сне...
Человека зависть грызла
Даже к дереву сосне!

Есть и песня веселее —
Ее пели на Дону:

«Кабы сделался я ветром,
Я б не маялся в плену!
Кабы сделался я ветром,
За помол бы не платил, —
Я бы собственной рукою
Крылья мельницам крутил!
Я бы больше не батрачил
Ради черного куска, —
Я б украл у государя
Его сильные войска!

Их на крыльях поднимал бы,
Извиненья не просил,
Мимо месяца младого
Артиллерию носил!
Мы бы с ними воевали
Те морские острова,
Где до неба голубого
Кучерявится трава!..
Я бы ветер был степенный,
Не разбойничал бы зря,
С гор каменья не катил бы,
Не разгуливал моря.
Я воздвигнул бы защиту
От крещенских холодов,
Я б из камня-изумруда
Понастроил городов!
В окна вечером влетал бы,
Беспокоить бы не стал,
На столе б у фельдшерицы
Книги толстые листал!
В окна вечером влетал бы,
Малых деток колыбал,
Белым пухом тополевым
Колыбели осыпал!..»

До сих пор от этой песни
Загорается душа!
Эта песенка-казачка:
Хоть стара, да хороша!

Но в Сибири была песня, —
Лучшей песни не проси:

«Кабы стал я человеком
На треклятой на Руси,
Кабы стал я человеком,
Вышел в люди, наконец, —
Самоцветный, да пудовый
Я купил бы леденец!
На цепочках подвязал бы,
Чтоб он хату освещал, —
Понемножку отгрызал бы
И супругу угощал!
Я купил бы на червонец
Той вареной ветчины,
Что на пасху принимают
Полицейские чины!

Булки выстроил на блюде,
Как небесны облака,
Разогнал бы на посуде
Больше пуда балыка, —
Сам не пробовал бы рыбы,
Коньяков не распивал:
Заржавелые замки бы
На острогах посбивал!
Я бы дивными словами
Арестантов пригласил,
Караваи с вензелями
На подносах выносил,
Напоил бы, накормил бы,
Уложил бы на кровать:
Отдохните, добры люди,
Будем царство воевать!
Уведем у государя
Его сильные войска!
Эх ты, доля, моя доля,
Непоклонная тоска!

Эх ты доля, моя доля,
Неповинная беда!
Где я золота нарою,
Где поставлю города?

Почему ты, моя доля,
Ничего не говоришь?..»

Жил на севере, в Уржуме
Неухоженный малыш.

Где он садики посадит,
Где поставит города?

В тесной, серой одежонке
Жил приютский сирота.

Мимо
тихого Уржума
Шла
холодная река,
Низко
и неторопливо
Шли седые облака,
Стлались плоские дороги,
Уходя из городка,
Где весна была угрюма,
Радость лета — коротка...
Как вы кажетесь туманны,

В глубь
веков
удалены,
Годы
древней, но недавней
Первобытной старины!
Шли громадные медведи
Синим лесом, без дорог...
Лисы
в красных армячишках
Забегали на торжок...
Волки белые бродили
Средь сиреневых снегов...
В черных селах
Мироеды
Завлекали батраков...
В тихом доме жил исправник,
Волка старого лютей...
На земле еще водилось
Мало
племени
людей...
Человеческие предки
Были темное тягло:

Землю мерзлую возило,
В землю
выспаться
легло!

Мы за кровных отомстили!
Спите с миром, старики...
Всякий,
ставший человеком,
С детства
шел в бунтовщики.

Но крамольники сидели
В норах страшной глубины, —
А землей моей владели
Волки,
лисы,
кабаны...

Вот на флейтах заиграли
И забили в барабан:
«В шапке золота литого»
Вышел розовый кабан.

Вверх отсвечивали в зале
Яшма, лак и палисандр;
Лисы, кланяясь, плясали!
Хряка
звали
Александр.
Обращается к холопу
И гуляет с ним в саду:
«Разыщите мне трущобу
Далеко, но на виду.
Мы крамольников отправим
Погулять озанвирон[1]:
Было б некого учить им,
Кроме сосен да ворон!..»
Молча ссыльные сидели,
Глухо годы провели
Там, где бледные метели
Заметали цвет земли,
Где короткие недели
В летней, пасмурной тиши

---

[1] **Досл.—окрестности. Так называли в придворных кругах места ссылки.**

Усыпительно свистели
На болотцах камыши...
Там таился невеликий,
Полутемный городок —
(Солнце — с ягодку брусники,
Месяц — ростом с ноготок)...
Там охотничьи сторожки,
Пустота и широта...

Ненароком по дорожке
Шел казенный сирота.

«Здесь, малыш, до нас гостили,
Здесь нам до̀ смерти гостить.
Вещи кой-как разместили, —
Душу не во что вместить!
Человеческие души
Крадут черные попы,
Звери царствуют, а люди
Слабы, молоды, глупы...
Мы теперь стараться будем,
Чтобы вовсе не пропасть,
Передать дальнейшим людям
Человеческую власть...»

Он ответить не умеет,
Ему нечем дорожить,
Ничего он не имеет,
Что бы гостю предложить...
«Нет, я матери не помню,
Не оплакивал отца;
То, что просите, исполню
До последнего конца.
Человеком стану тоже —
Вместе людям веселей...»

Так прямехонько к Сереже
Царь заслал учителей!

... Но здесь я сам вхожу в повество-
ванье...
Я рос на юге... копоть, рыбья слизь.
Дым,
скука,
грязь, где мы существовали,
Слободкою Романовкой звались.

Я помню порт;
я каждым утром летним
Прикидывал: уйду в далекий свет...
Сергей, ты был почти тридцатилетним,
Когда мне минуло тринадцать лет.
Ты был далеко. Ты мне был неведом.
Я знал вперед: одни одеты в плюш,
Им граммофон играет за обедом!
Другим достался мир трущоб и луж.
Он даже детям не казался светел
И приспособлен для больших затей...
Я только рос.
А ты уже наметил
Дворцы и парки для моих детей!
Отец бродяжил.
Дед ослеп у горна.
Я рос. А ты, безвестная родня,
День ото дня
любовно и упорно
Сколачивал
наследство для меня, —
Для всей оравы слободских ребяток!..
Весной я становился дик и тих...
Цвели деревья, странный отпечаток

Воздушной нежности дрожал на них...
Мы убегали в Карантин и дале —
Куда-то на задворки, в глубину,
Чтоб не видать, как матери рыдали,
Как братья собирались на войну...
По Цюриху шел Ленин. Он в тревоге
Стремился к нам. Сощурив левый глаз,
Он видел наши прелые берлоги
И пустошь, где мы бегали,
        и нас,
И что мы ели, и зачем мы жили...
А в той сторонке, где не тает снег,
Шел краем тундры Коба, Джугашвили,
Спокойный, прямодушный человек,
Любитель солнца,
        Уроженец Гори!
Он шел и думал: «Эти дни — предел.
Мир будет наш».
Он шел и думал: «Вскоре
Мир будет наш».
Он издали глядел
На миллионы слободских ребяток...
Он усмехнулся нам... А я был мал.
Кусты цвели, воздушный отпечаток

Тревожной нежности на них дремал...
Мы шли к иллюзиону — красть картины
Сквозь щелочки его дощатых стен, —
Мы узнавали древний Рим, Афины,
Помпею, Геркуланум, Карфаген,
Мы разбирали имена попроще:
«Бог», «раб», «герой», «царь», «цезарь»,
«вор», «авгур»...
Нам тоже снились миртовые рощи
И мрамор атлетических фигур!
Вдоль чистых парков и чужих владений,
Где жили куклы и росли дубы,
Меня вело предчувствие весенней,
Великой, человеческой судьбы!..
Я пел: «Что в жизни станется со
мною?»,
Но смутно был уверен: мой удел —
Бесстрашно править сказочной страною!

И все исполнилось, что я хотел.

Хотя мы в детстве не были пригожи,
И нас не вел ни бог, ни чародей,

Я сделался правителем.
И то же
Случилось с миллионами людей.

Ты знал уже, Сергей, мою породу,
От Ленина наслышан про меня,—
И дело шло к семнадцатому году,
А там открылось, кто кому родня!..

Ты был отправлен к питерским рабочим,
Ты слушал их и обращался к ним...
Как мог я знать тебя?
И, между прочим,
Я так и не встречал тебя живым!

Но не в пример старинным,
страшным людям —
(«Тех нет, мол, в сердце, кто вдали от
глаз»)
Мы были неразлучны.
Так и будем.
И смерть, как в песне, не разделит нас!
Законом дружбы я все так же спаян
С твоим уделом и твоим трудом!

Ты ставил мир, в котором я хозяин, —
Теперь я говорю: «мой дом — твой дом!»
Ты был бесстрашен, и тебе знакома
Вся дружеская слитность бытия! —
Когда я приглашаю:
«Будь, как дома!»
Хочу сказать:
«Моя рука — твоя!»
Смерть не хозяин — смахивать со счету!
Я сомневаюсь в ней, сообразив:

Мы перекладываем жизнь в работу, —
Пока работа движется — ты жив.
Ты неизменно остаешься в силе
И в двигательном нарастаньи сил...

Когда я плакал, что тебя убили,
Я вдруг увидел, кто̀ тебя убил.

Мы были в детстве грубы и неловки,
Но к нам ходил, от нянюшек устав,
Злой выблядок жандарма и торговки,
Плюга̀венький гаденыш Святослав.
Скворца поймал я и дворец построил,

Дворец качался, а птенец играл, —
И вдруг богатый все это присвоил:
Солгав, что я скворешницу украл.
Я смастерил отличную лодчонку, —
Блестела краской красная корма!
Я вышел в море. Он ревел вдогонку.
Его отец взял лодку задарма.
Мой кровный дядька с фронта воро-
тился;
Все шли за песней к дядьке моему!
Два дня гаденыш возле нас крутился, —
И ночью дядьку увели в тюрьму.

На том кончалась детская забава,
И тем я начал молодость мою!
Я молча плюнул в харю Святослава
И клятву дал я, что его убью.

Ты знал его, Сергей, — но время выбрал:
Ты в Астрахани в рог его согнул,
К собакам выгнал, как собаку, выдрал,
Все отнял у него и мне вернул!
О призраке радеть чего бы ради?
Но ты узнал и через десять лет

Его визгливый голос в Ленинграде, —
Прогнал его и отнял партбилет!
Так в сотнях лиц, имен, фамилий,
прозвищ
Ты гнал его...
Услышав о тебе,
Я стал счастливым: ты борьбу не
бросишь,
Пока меня не выучишь борьбе!
Законом дружбы и присягой чести
Клянусь тебе: пока я жив, — ты жив!
Мы жили врозь. Работать будем вместе,
В тепло работы жизнь переложив...

Был в древности обычай:
после боя
На празднике, блестяща и полна,
Меж прочих чаш — для павшего героя
Стояла чаша сладкого вина...
Хоть я и недруг варварских приличий,
И мужества за сказки не продам, —
Мне этот древний нравится обычай
За то, что не понравился попам!

Твой век еще не кончен и не дожит,
И с этих пор — в труде и на войне,
Поскольку друг мой действовать не может,
Мне остается действовать вдвойне!
Когда-нибудь, когда в составе прочих
Настойчивых плательщиков долгов,
Пойду с отрядом гамбургских рабочих
Иль астурийских стреляных стрелков, —
Как и сейчас я нас не разделяю,
Так и в бою подумаю любя:
«Вот этот раз я за себя стреляю,
А этот раз, Мироныч, за тебя!..»

Три простых красногвардейца
Средь халупы ледяной
В свете лампы трехлинейной
Вспоминали край родной...
Первый — Чудского уезда,
Коношинского — другой,
Третий был кавказский горец —

Брови черные дугой.
«Холодна у нас зимица
Да земля нехороша! —
В нашей местности родится
Рожь — и больше ни шиша».
А балкарец отвечает:
«От рожденья своего
Наши горцы не едали,
Кроме проса, — ничего!»
Третий ласково кивает,
Горсть махорочки достав:
«В октябре уже бывает
Нашим рекам ледостав!
Мы бруснику подбираем,
Никогда не сеем ржи,
Среди лета мы уходим
Наниматься на баржи...
Да охотиться уходит,
У кого счастливый глаз, —
Хлеб наш хитрый и косматый
Долго бегает от нас!..»

Так поют они, качаясь,
И в обнимочку сидят.

Вдруг является дневальный:
«Обнаружен белый гад!
Встаньте, вольные народы,
Воевать за мирный труд!»

Тут встают они охотно
И винтовочки берут...

Люди гада победили,
Людям сила и почет!
Год проходит, два проходит,
Уж семнадцатый идет.

Тихо музыка играет.
В синем парке ЦДКА...
Три запасных командира —
Три тогдашних мужика,
Первый — Чудского колхоза,
Из-под Эльбруса другой, —
Третий — в малице лосевой
И в обувке дорогой!

Первый ходит и гордится,
Неуступчивый на вид:

«Зимостойкая пшеница
Наш гигант не удивит!
Мы на фактах доказали:
Нет дикарских деревень!
Нам дарили на вокзале
Парниковую сирень!..»

Горец вскакивает с места,
Поздравлять себя велит:
«Мой Чегем краснознаменный
Хлебным золотом залит!
Перед каждым сельсоветом
По-над грохотом реки
Восхищенные балкарки
Разбивают цветники!..»

Третий, словно отдыхая,
Усмехается слегка:
«Лед-то все-таки не сахар,
Снег — не белая мука!
Все гудит в Кукисвумчорре,
Птица в ужасе летит!
В гулком холоде родится
Хлебный камень апатит.

Горняки-хибиногоры
Высоки и дороги!
Мелко вышиты цветами
Их лосевы сапоги!»
На лице его широком
Тень полярных непогод...
Тихо музыка играет
«Свой закончили поход»...
Тихо музыка играет
«Волочаевские дни»! —
И, не выдержав разлуки,
Обнимаются они...

В честь семнадцатого съезда
Знамя легкое горит!..
Обнялися, помолчали.

Первый тихо говорит:
«В нашей области холодной, —
Сырь да глина, снег да снег...
Стойкой воле научил нас
Киров — стойкий человек.
Напишу я, может, книгу
Про колхозную зарю, —

Ленинградскому обкому
В красной папке подарю!»

Горец тихо вспоминает:
«Помню кровную вражду,
Помню битву племенную
В тесном, каменном аду...
Кто под пулями проходит,
Остается на виду? —
Киров был парламентером
В восемнадцатом году!
Золотого, молодого
Жеребеночка найду, —
Невзирая на упреки,
По проспектам поведу!
Растолкую постовому,
Что спешу издалека...
«Ленинградскому обкому —
От седого кунака!..»

Третий сокол отвечает:
«Стал я знатен и здоров...
Мой отец, пустынный житель,
Был бродяга зверолов...

Электрические звезды
В падях Севера горят...
Горняки-хибиногоры —
Гордый кировский отряд...
Я Миронычу в подарок
На украшенном возу
К ленинградскому обкому
Медвежонка подвезу!..»

Эта долгая беседа
Весела и молода, —
Снова музыка играет
«Занимают города»...
Громко музыка играет
«Кумачом последних ран!..»

Собеседники проходят
Сквозь светящийся туман...

Собеседники проходят.

К собеседникам прилип,
Подхалимствуя и греясь,
Пресмыкающийся тип:

«Божьи люди! Разрешите
Любоваться на пейзаж!
Я — старинный, позабытый,
Кровный выкормышек ваш.
Вы собой меня питали
В те молочные года,
На себе меня катали,
Выкормленного кота!
Золотые изреченья
Проповедуя рабу,
Чисто жил я на высоком
Человеческом горбу!

Вы гуляете по свету,
А меня не хочет свет.
У меня такое чувство,
Что меня на свете нет!

Вы по улицам идете,
Даже камешки хрустят,
А меня с асфальтом варят,
Мною улицы мостят!
Неуютны и огромны,
Полны красного огня,

Ваши коксовые домны —
Крематорий для меня!
Всех смертей разнообразью
Подвергаясь, как отброс,
Я растерт и смешан с грязью
Ходом тракторных колес!..
Я за гибель рассчитаться
Чудом техники пролез:
Весь я — импортная цаца,
Механический протез!
Склеен чистенько и тонко,
Я брожу, как наяву, —
Движим ненавистью только, —
Только завистью живу...
Мне любимый снится город,
Мне в том городе знаком,
Постоянно в гимнастерке,
Ваш веселый военком...
Он красивую «Светлану»
И Путиловский завод
В бок Балтийскому туману,
Как дредноуты, ведет!
Он с оравой неудобной
В царство тундры ворвался, —

В царство бледности загробной,
Где земля, где небеса! —
Там с весельем неуместным
Начал сеять грубый плебс
В белом царствии небесном
Рожь, и брюкву, и турнепс!..

Мне заветный снится город,
Петербургский снится снег,
Яркоглазый и счастливый
Коренастый человек...
По-военному одет он,
По-походному обут,
По походочке знакомой
Его дети узнают!..

Как скулит по нем и воет
Сердце зависти моей!
На страну свою похож он
Каждой черточкой своей!
От его прямого взгляда
Я боюсь, что пропаду...
Мне тягаться с ним не надо, —
Лучше сзади подойду!..»

Непонятно в этой речи,
Где начало, где конец!
Говорящего не слышно
Потому, что он мертвец.
Он глядит без выраженья
Затуманенным зрачком...
К ленинградскому обкому
Пробирается бочком...

Работящий и веселый
Был у матери сынок.

Всей стране был Киров дорог
И нигде не одинок...

Мать сыночка снаряжала,
Собирала, берегла,
Каждым утром провожала
До последнего угла.
Мать сыночка обнимала,
Поправляла кушачок,
Напоследок поднимала
Меховой воротничок...

«Берегися», — говорила,
Поджидала у окна...

Так Мироныча любила
Вся Советская страна...

Время к солнцу повернется,
Выйдет травка из земли,
Спросят: «Что тебя не видно?»
Пролетая, журавли...
Выйдут алые бархотцы,
Схлынет полая вода...
Сын к родимой не вернется,
Не вернется никогда!..

Поворачивает время
На последние бои,
Самолеты молодые
Бросят гнездышки свои.
Выйдут алые знамена,
Разгибая уголки,
Постепенно, поименно
Выйдут красные полки.
В громыхающей колонне,

Перекрикивая медь,
Угнетенные колоний
Свои песни будут петь!..
Нам всемирную победу
Заиграют трубачи...
Проводить политбеседу
Возвратятся избачи,
Будут бегать и смеяться
В магазинах продавцы, —
К ребятишкам возвратятся
Загорелые отцы;
Танк ученый обернется
В трактор верного труда...

Сын к родимой не вернется,
Не вернется никогда!..

Ничего он не боялся,
С поля битвы не бежал,
На груди его широкой
Орден Ленина лежал.

Почему ж порой студеной,
В самый ветер и мороз

На подушечке
  Буденный
Орден
  Ленина
    унес?..

Снег на улицах суровых,
Топот медленный подков,
Шум знамен черно-багровых,
Стоны долгие гудков,
Плачут взрослые и дети,
Самых маленьких несут;
Вот на пушечном лафете
Дом украшенный везут;
Под родными парусами
Домик
    движется вперед,
Садик,
    политый слезами,
Подле
    домика
      цветет...
Задержавшись по дороге
В зале светлого дворца,

Рассчитались на четыре
Братья павшего бойца
И в почетном карауле
Стали с каждого конца.

Отсвет знамени касался
Серебристого лица.

Вот в почетном карауле
Под эмблемой золотой
Север занял Ворошилов,
Запад — летчик молодой!
Вот в почетном карауле
— Видно, плакать не привык —
Стиснул дрогнувшие губы
Самый
лучший
большевик.

О, товарищ,
всего
больней
Глухой
пушечный
салют...
Как сокровище,
меж камней
Пепел маленький сберегут...

Пушки
кончили
говорить,
Навсегда ему
отслужив...

В прояснившейся тишине
Он, оказывается,
жив.

Церемония, верно, вся —
Как бы ни была тяжела.

Он проснулся и принялся
За настойчивые дела.

И портреты его, где он
В летней блузе изображен,
Вместе с нами — одной семьей
Возвращаются с похорон.
Нашей верности не обидь,
Снова мужеством овладей:

Человеком ты кончил быть, —
Будь же тысячами людей!
Встать и выпрямиться не мог.
Завоеванного не сдал:
В усыпальницу пеплом лег, —
Целым Кировским краем встал!
Там глубоко поет руда,
Там ростки пробивают снег,
И весною пойдут суда
По артериям сильных рек...

Как томительно ни тяжел
Стратегический оборот,
Ты заводами стал — пошел,
Не задерживаясь,
вперед!
Воспитаем их, как ребят, —
И побед их не перечесть! —
Нашу славу да укрепят
И рабочую нашу честь! —
Так мы думаем за него,
Так мы думаем о нем,
Друга старого своего
По походочке узнаем!

Он давно уже с нами слит,
Стал давно уже частью нас, —

На гробницу свою глядит
Миллионами наших глаз!

Снег и солнце в твоем окне,
Можешь действовать, как привык.

Ни от выстрела, ни в огне
Не кончается большевик.

Обманувшиеся враги
Не увидят его конца:

Если умер он, застучат
Запасные его сердца!

Редактор Н. Плиско
Художественный редактор
Евг. Коган
Техн. редактор А. Цыппо
Обложка Б. Бажанова
Корректора Л. Петрова
и Л. Каплан

Сдано в набор 7/VII 1935. Подписано к печати 25/VIII 1935. Уполномоченный Главлита Б-8405. Зак. изд. № 739. Зак. тип. № 371. Отпечатано в количестве 15 000 экз. Формат 62×94 1/32 2 печ. л., 1,868 авт. листа. Ц. 75 к. Переплет 25 к. Отпечатано на бумаге Красновишерского комбината им. тов. Менжинского в типо-литографии имени Воровского, улица Дзержинского, 18.

ЧИТАТЕЛЬ!

Сообщите свой отзыв об этой книге,
указав свой возраст
и профессию,
по адресу:
Москва, Центр, ул. 25 Октября, 10/2
Государственное издательство
„Художественная литература"
Массовый сектор

1 руб.